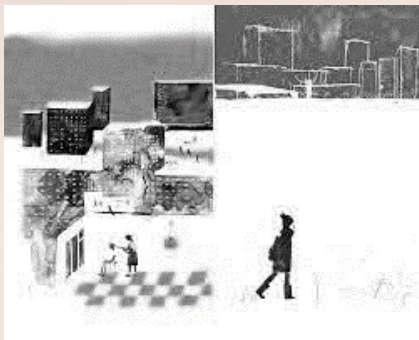

ДВА МИРА: РЕАЛЬНЫЙ И ИРРЕАЛЬНЫЙ В РАССКАЗЕ Е. НЕКРАСОВОЙ «ЛАКОМКА»

Евгения Некрасова

«Лакомка»

ФИНАЛИСТ ПРЕМИЙ
«БОЛЬШАЯ КНИГА», «НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР», «НОС»

ЕВГЕНИЯ
НЕКРАСОВА

СЕСТРОМАМ

о тех, кто будет маяться

18+

ЕВГЕНИЯ
НЕКРАСОВА
СЕСТРОМАМ
о тех, кто будет маяться

ЕВГЕНИЯ
НЕКРАСОВА
СЕСТРОМАМ
о тех, кто будет маяться

Краткая биография

Евгения Игоревна родилась в 1985 году в городе Капустин Яр Астраханской области. Она провела детство в Подмосковье, училась в школе имени Дмитрия Холодова – погибшего журналиста, который занимался расследованиями коррупции в российской армии. Евгения рассказывает: она росла с осознанием, что журналистика – великая профессия. Ей нравилось писать, но больше хотелось придумывать что-то свое.

В течение некоторого времени Некрасова работала копирайтером в московских рекламных агентствах. В 2008 году она уехала из России и жила в нескольких европейских городах.

В 2016 году Евгения получила диплом сценарного факультета Московской школы нового кино. Она читает лекции по сценарному мастерству, а также преподает на режиссерском факультете МШНК. Некрасова стала одной из создательниц школы «Современные литературные практики», где сейчас курирует мастерскую прозы.

Издания Евгении Некрасовой

Писательница начала публиковать свои произведения в 2011 году. Ее повести и рассказы выходили на страницах журналов «Урал», «Волга», «Знамя», «Новый мир», сценарии – в «Сценаристе» и «Искусстве кино». В 2014-2015 годах Евгения стала финалисткой фестиваля молодой драматургии «Любимовка», а также вошла в лонг-лист авторов конкурса «Первая читка».

В 2017 году она была объявлена лауреатом литературной премии «Лицей» за сборник прозы «Несчастливая Москва».

В 2018 году в свет вышла книга «Калечина-Малечина», позже попавшая в шорт-листы премий «Национальный бестселлер», «НОС», «Фикшн 35» и «Большая книга», а также в лонг-листы премии «Ясная Поляна» и премии имени Аркадия и Бориса Стругацких.

В 2019 году Евгения опубликовала сборник рассказов и повестей «Сестромам. О тех, кто будет маяться», попавший в лонг-лист премии «Национальный бестселлер» в 2020 году.

Кочевое царство света разбило лагерь в квартире номер три на Первомайской улице. Лучи лезли в глаза, как слепни. Крест рамы был съеден ими почти до основания. Подоконник исчез вместе с рассадой, тюль высохла и рассыпалась в пыль. Книжный шкаф, диван, кресло, два стула, гардероб, кровать и телевизор — всё дрейфовало в липком солнечном желтке.

— Тебе обед разогреть?

Инна замотала головой. Мама лежала на диване в клумбе своего халата и нарочно говорила строго — дочь вчера уронила сервант на кухне. Целый набор посуды — вдребезги и в помойное ведро. И собирать умаялись. Хлопковые розы украшали маму от колен до шеи. Инна удивлялась, почему не колются.

— Ну, как знаешь. До ужина ещё долго.

Мамины пятки, похожие на присыпанные мукой горбушки, были сложены одна на другую. Большая и красивая, она лежала на боку, полусогнув колени и подложив руку под голову. Чёрные пряди-повстанцы, сколько ни убирала, сбивались на потных висках, прикрывая справа глубокий молочный шрам.

— Мороженого бы... — проговорила мама, зевая, и отвернулась лицом к спинке дивана, спиной к Инне.

Когда она заснула, солнечные лучи котятками обосновались на её боку, не боясь шипов. Инна тихо подошла к спящей и с надеждой посмотрела ей в спину. Вот сейчас мама повернётся и скажет Инне что-нибудь ласковое. Но мама спала, и розы дремали вместе с ней.

Сервант опрокинула, да. Но как же знать, что клюквенное уже давно переехало оттуда в кладовку... Инна задумалась. Нехорошо... А что, если, пока мама спит, сходить до ларька и купить ей мороженого? Страшно, конечно, но зато мама так обрадуется, что обязательно забудет про сервант.

Деньги прятались в кошельке. Кошелёк в сумке. Сумка в ящике. А ящик, будто язык, высывался из гардероба. Но гардероб на замке. Замок на ключе. Ключ в кладовке — серьгой на крючке.

Инна, щёлкнув выключателем, пыталась долго открыть дверцу кладовки, но местное чучело из куртки и кепки крепко подпирало её изнутри. Инна, упрямая, давила что есть мочи. Чучело чуть-чуть ещё поборолось и сдалось. Ключ висел с ним по соседству. Инна стащила его и, прокравшись на цыпочках мимо мамы, отворила гардероб.

Ящик выдвинулся только на треть и застрял в пазах. Инна тянула его на себя. «Не покажу язык, — капризничал гардероб, — и зачем тебе деньги? Куда-то ты собралась, да ещё без мамы?! Упадешь, пропадешь! Сиди дома!» — «Мне надо, я и пойду!» — упиралась Инна и продолжала тянуть гардероб за язык. Он ругался, поскрипывал, но не сдавался. Инна раздражённо задвинула ящик обратно в паз, и гардероб, видимо, от боли тут же выдал ей свой язык до самого корня, издав громкий деревянный стон. Инна застыла. Мама пошевелила пяткой, но не проснулась.

Все деньги решила не брать, ещё потеряет. Одной такой бумажки хватит. Обувка где? Мама, наверное, всё куда-то спрятала, — Инна же больше двух лет не ходила на улицу. Ничего-ничего, прям так, в тапках.

Связка ключей лежала на тумбе в коридоре. Чучело махало на прощание из кладовки. И ехидно скалилось. Знало, что Инне предстояла новая борьба с двумя другими дверями.

Двери эти всю жизнь ненавидели людей и оба мира, воротами в которые являлись: и наружный, и внутренний.

Плевались ключами, зажимали их мелкими зубками, хлопали, скрипели — в общем, делали всё, чтобы хозяевам и гостям было чрезвычайно неудобно.

Внешняя дверь с металлическим скелетом, та, что жила лицом в наружный мир, была старше и озлобленней, чем внутренняя. Тяжело двадцать лет вдыхать подъездные запахи, корчиться обивкой от холода да смотреть на злобные рожи. Заноза по характеру.

Внутренняя, из дерева, была легче, моложе, спокойнее. Жила в тепле, плохих людей не знала, дышала только запахами своей квартиры. Поэтому и открывалась быстрее. Но в этот раз именно она раскапризничалась. Прodelала, доска несносная, полный набор известных всем дверям трюков: жевала ключ, стопорила замок, не поворачивала ручку и прочее. Но Инна продолжала тихо сражаться, пока вдруг сверху не пополз знакомый шум.

Соседка с четвёртого этажа (а Инна сразу догадалась по звуку, что это она) бойко сходила вниз по лестнице. Дурная, любопытная, до всего охочая бывшая учительница Евгения Степановна. Не хватало ещё, чтобы она, услышав драку с дверью, позвонила в дверь и разбудила маму. Пришлось прерваться. Поравнявшись с квартирой номер три, соседка остановилась. Инна зажмурилась от страха. Евгения Степановна хрустнула молнией и отправилась дальше.

Инна заново вцепилась в дверь, и та наконец поддалась, предательски громко скрипнув. Ничего-ничего. Мама спала. Инна отчётливо слышала её правильное, размеренное дыхание.

Вторая дверь, видно сжалившись над Инной или просто решив с ней не связываться, открылась быстро. **Подъезд ударил в нос запахом мочи. Солнечные лучи брезгливо ступали на загаженные ругательствами стены.** На пол не вставали вовсе. Подъездная дверь оказалась современная, лёгких нравов. Отворилась от нажатия маленькой кнопки, правда, Инна потратила пять минут, чтобы нащупать её в темноте.

Улица как улица, совсем как из окна. Чего бояться-то? Удивительно, что здесь меньше солнца, чем у Инны дома. Она поёжилась, было прохладно. К счастью, никого из соседей поблизости. А то бы начали приставать с расспросами, куда она собралась без мамы.

Лучшее мороженое продавалось известно где — на площади, в синей коробке с окошком. Идти отсюда, смешно сказать, минуты четыре. Обойти дом, там и площадь. А на другом её конце — ларёк. Они, между прочим, живут с мамой в самом центре города. Инна повернула направо от подъезда и захромала вдоль пятиэтажки. Бумажка капустным листом скрипела в сжатом кулачке. Внезапно Инна увидела впереди себя Евгению Степановну, выплывшую из-за поворота ей навстречу. Полная, с непропорционально тонкими руками, соседка походила на старый школьный рюкзак с протершимися ручками, к одной из которых был привязан пластиковый пакет с покупками.

Инна огляделась и зашла за кирпичную подвальную пристройку, покатую, как детская горка. Под ногами что-то хлюпнуло. Инна опустила голову и увидела, что наступила в тарелку с густой серой жижей. Местные женщины кормили хмурых уличных котов. То ли каша, то ли картофельное пюре забралось Инне на левый тапок и измазало свисающий за подошву шерстяной носок. Инна принялась водить ногой по асфальту, оставляя серое на сером. Вдруг рядом возникла Евгения Степановна. Инна, отпрянув назад, в самый угол, снова ступила в тарелку уже правой. Соседка прошла мимо, бормоча что-то себе под нос, словно повторяя выученный урок. «Сдачу считает», — поняла Инна.

Она кое-как обтерла о траву тапки и отправилась дальше. **Вот арка, круглая и красивая, но пахнущая хуже их подъезда.**

Инна зашла под кирпичный свод, и стало по-вечернему темно. Впереди, будто в округлой рамке, висели ёлки и плитка главной площади города. Внезапно из темноты Инне под ноги кинулось большое рыжее пятно. Мелькнули мокрые клыки, злобный лай принялся кусать застоявшийся воздух. **Инна замерла от ужаса и выронила заветную бумажку.**

— Морфей! А ну-ка к ноге! — резанул по ушам прокуренный женский голос.

Собака исчезла. Инна постояла, недвижимая, несколько секунд, потом нагнулась и, схватив цветную бумажку, заспешила вперёд.

На площади шумел народ. Мама с колясками, Родина-мать с бронзовым венком. Несколько алкашей скромно заняли одну косую лавку. Зато стаи подростков оттяпали сразу половину площади. Скамейки, бордюры, клумбы, асфальт были усыпаны ими. **Все тинейджеры походили на зубы: девочки — на золотые или металлические, а мальчики — на гнилые, чёрно-жёлтые. Пили пиво, плевались в бога семечками и матом, а попадали в серую плитку и друг в друга.**

Инна, стиснув кулак, как можно быстрее прошла мимо, стараясь не приближаться к щёлкающим зубам.

Выцветшая голубая палатка с похищенной первой «о» стояла заколоченная. За ней по бокам — конвой — две полысевшие ели виновато качали макушками. Инна растерянно смотрела на фанеру вместо окна. Ничего-ничего.

Через дорогу есть магазин, а в магазине тоже есть мороженое. Мама устала, наверняка не проснётся до самого вечера. Инна развернулась и, как умела, поспешила к дороге. Солнце шкурило кирпичи на клумбах, со стороны автобусной остановки летела бабочка. Ничего-ничего, время уже не обеденное. И выбор там ещё лучше, чем в ларьке. Инна улыбнулась. Тут сзади ударил пронзительный истеричный вой. Она обернулась — на неё летела свора грязных собак, на ходу не переставая нюхать друг друга. Инна ахнула и бросилась вперёд. Мимо замелькали сухие ели, подростки с бутылками, дома с рекламными вывесками, наконец в левый глаз влетело что-то блестяще-серое. Раздался скользкий металлический вой, гораздо громче и страшнее собачьего.

Она стояла посреди дороги. **В метре от неё гудел похожий на акулу автомобиль.** Собаки разбежались от страха.

Водитель, высунувшись, кричал что-то обидное. Инна в этот раз даже не выронила купюру. Не посмотрев на водителя, она зашагала дальше. **Он гавкнул ей вслед и скрылся в акульем брюхе.**

Показалась «Союзпечать», и Инна подумала, что надо будет купить маме газету на сдачу. В магазине было пусто и холодно, как в операционной. Наверное, потому, что здесь было целых три морозильника: один с пельменями, другие два — с мороженым. Инна приблизилась к прилавку. Продавщица, полная крашеная блондинка, трясла шипящий мужским голосом магнитофон, словно хотела вытрясти оттуда исполнителя. **Инна попросила «Лакомку» — мамино любимое.** Хозяйка магазина взглянула на протянутую ей купюру и затряслась, как электрическая.

— Ты мне чё пихаешь? Лакомка 50 рублей стоит! Там и ценник есть, между прочим!

Инна часто и растерянно заморгала. Продавщица вновь взялась тискать пластиковую шарманку. Баритон шипел о женском одиночестве.

— А давайте я заплачу, — девушка-покупательница в коротких шортах выложила на прилавок недостающие бумажки и протянула Инне «Лакомку».

Шипение усилилось, окончательно испортив песню. Продавщица выругалась. **Девушка попросила себе пива.** Счастливая Инна вышла на солнце. Мама проснётся, а тут Инна с «Лакомкой». Инна радостно зашагала домой мимо людей, собак и автомобилей. Через пятнадцать минут она заметила, что нет площади и елей и что, самое страшное, куда-то подевалась их с мамой кирпичная пятиэтажка. Постройки выросли и посерели, деревья поредели, а люди вымерли вовсе. Пальцы на правой руке слиплись вместе — это текло по ладони тающее мороженое. Где-то поблизости были то ли собаки, то ли машины. Инна остановилась и, озираясь по сторонам, тихо позвала: — Мама!..

— Это вам ещё повезло, что я к сыну в МЖК пошла. Завтра собиралась, да творога такого хорошего купила, думаю — внучке отнесу. Они такой гадостью её кормят...

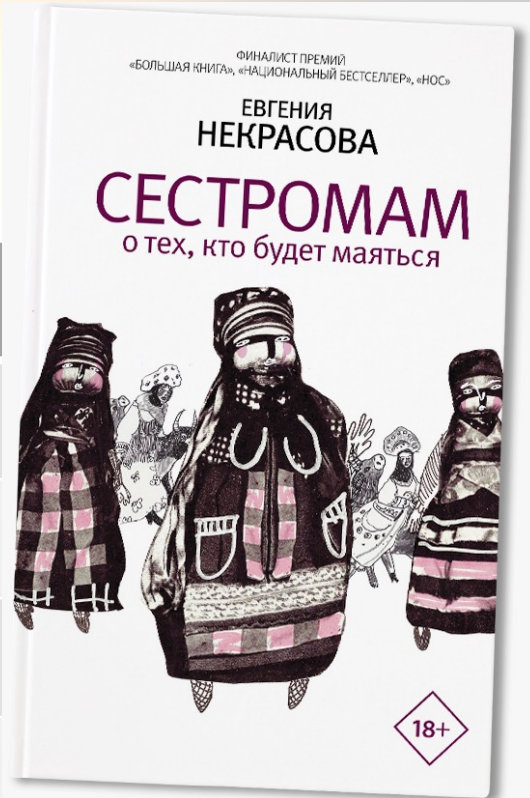
Евгения Степановна, застряв в проходе двери и колыхаясь холодцом своего тела, вещала уже минут двадцать. В окне было темно. Вода звенела из крана в раковину, у которой возился худой старик. Перед Инной стояла тарелка с дымящимися щами. Рядом в стеклянной пиалке лежала измазанная в шоколаде золотинка с липкими белыми комками — всё, что осталось от расстаявшей «Лакомки». Инна не давала выкинуть. **Старик протянул ей ложку.**

— ...Так я иду, смотрю — девочка... (Вот хорошо, хорошо, Инна Ильинична, вы покушайте супчику. Он сытный. А то умаялись небось полдня по городу скитаться!) Так девочка эта мне говорит: бабушка тут чья-то потерялась, точно не из нашего двора. У нас, говорит, бабушек нет. (Ещё бы, не состарились пока — квартиры там только молодым давали.) Ну, я смотрю — ба!... Наша Инна Ильинична! Заблудилась!

Инна обхватила ложку изогнутыми морщинистыми пальцами и сердито взглянула сначала на соседку, потом на мужа. И чего она так кричит? Пускай уходит! Ещё маму разбудит!..

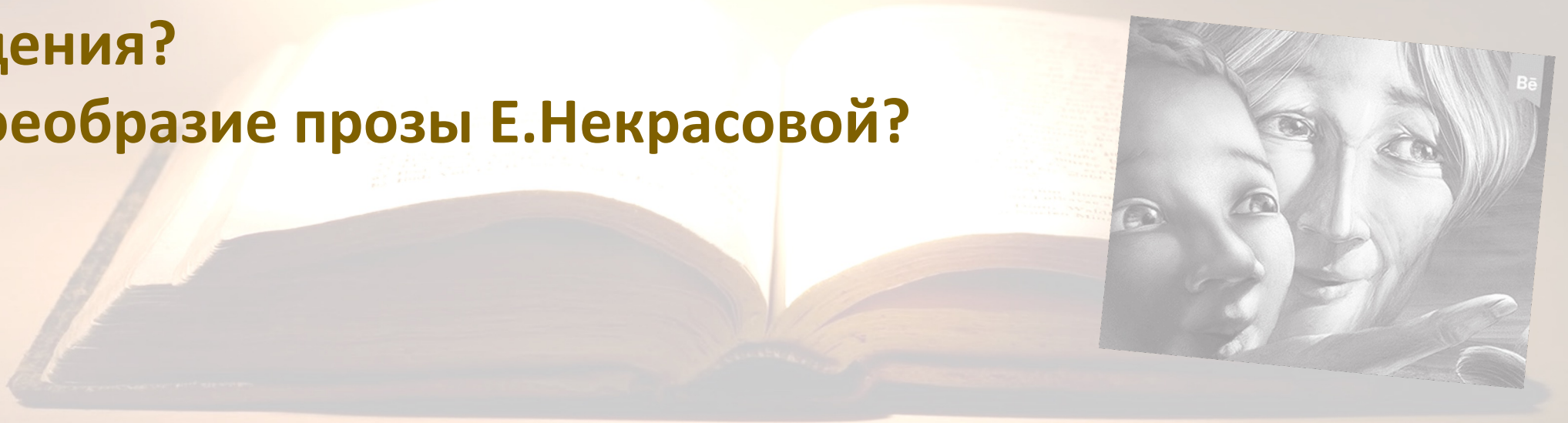
Старик вздохнул и ушёл domывать посуду.

ЗАДАНИЯ ПО ТЕКСТУ: ЗАПОЛНИТЕ ТАБЛИЦУ

Задания:

- 1. Объясните смысл названия рассказа.**
- 2. Что вы можете сказать о героине рассказа: черты характера, мировосприятие, эмоциональное состояние.**
- 3. Каким настроением пронизан рассказ? Какие детали рассказа подскажут нам это?**
- 4. Какова тема и идея рассказа?**
- 5. Лексика и стилистика рассказа. Как они помогают понять идею произведения?**
- 6. В чем своеобразие прозы Е. Некрасовой?**

[illegible]

Образ мамы	Инна (девочка-старушка)	Образ двоemiрия в рассказе	Смешение времен	Фольклорные элементы
Хлопковые розы украшали маму Она лежала большая и красивая Розы дремали	Инна удивлялась, почему не колются. Скажет Инне что-нибудь ласковое Инна замерла от ужаса и выронила заветную бумажку. Клюквенное уже давно переехало в кладовку	Удивительно, что здесь меньше солнца, чем у Инны дома Подъезд ударил в нос запахом мочи. Солнечные лучи брезгливо ступали на загаженные ругательствами стены.	Инна огляделась и зашла за кирпичную подвальную пристройку, покатую, как детская горка. Наступила в тарелку с густой серой жижей.	Деньги прятались в кошельке. Кошелёк в сумке. Сумка в ящике. А ящик, будто язык, высовывался из гардероба. Но гардероб на замке. Замок на ключе. Ключ в кладовке — серьгой на крючке.
Мамины пятки, похожие на присыпанные мукой горбушки	Она собралась без мамы... А давайте я заплачу, — девушка-покупательница в коротких шортах выложила на прилавок недостающие бумажки и протянула Инне «Лакомку».	Вот арка, круглая и красивая, но пахнувшая хуже их подъезда	А давайте я заплачу, — девушка-покупательница в коротких шортах выложила на прилавок недостающие бумажки и протянула Инне «Лакомку».	Чучело махало Постройки выросли и посерели, деревья поредели, а люди вымерли вовсе.
Она лежала большая и красивая	Инна попросила «Лакомку» — мамино любимое.	Живут с мамой в самом центре города.	Девушка попросила себе пива. 	Кочевое царство света

Образ мамы	Инна (девочка-старушка)	Образ двоemiрия в рассказе	Смешение времен	Фольклорные элементы
	Инна зажмурилась от страха			
Пускай уходит! Ещё маму разбудит!..	В метре от неё гудел похожий на акулу автомобиль. Он гавкнул ей вслед и скрылся в акульем брюхе	Хозяйка магазина взглянула на протянутую ей купюру и затряслась, как электрическая.	Выцветшая голубая палатка с похищенной первой «о» стояла заколоченная. <i>За ней по бокам — конвой — две полысевшие ели</i> виновато качали макушками.	Розы дремали (ВОЛШЕБНЫЙ МИР ДЕТСТВА)
	Инна обхватила ложку изогнутыми морщинистыми пальцами и сердито взглянула сначала на соседку, потом на мужа. И чего она так кричит? Пускай уходит! Ещё маму разбудит!.. Наша Инна Ильинична! Заблудилась!	Все тинейджеры походили на зубы: <i>девочки — на золотые или металлические, а мальчики — на гнилые, чёрно-жёлтые</i> . Пили пиво, <u>плевались в бога семечками</u> и матом, а <u>попадали</u> в серую плитку и <u>друг в друга</u> .	— Ты мне чё пихаешь? Лакомка 50 рублей стоит! Там и ценник есть, между прочим! Пили пиво, плевались в бога семечками и матом, а попадали в серую плитку и друг в друга.	
	Счастливая Инна вышла на солнце	Баритон <i>шипел</i> о женском одиночестве.	Старик протянул ей ложку.	
	Инна остановилась и, озираясь по сторонам, тихо позвала: — Мама!..		<i>Старик вздохнул и ушёл домыывать посуду.</i>	

КЛЮЧЕВЫЕ ДЕТАЛИ РАССКАЗА

Кочевое царство света

Мама В клумбе своего халата, черные пряди-повстанцы

Деньги в кошельке, кошелек в сумке, сумка в ящике, ящик в гардеробе с языком
(роль сказочных элементов)

Двери, которые ненавидели оба мира: Дверь с железным скелетом, Подъездная
дверь легких нравов

Мир внутри и мир снаружи

Солнца на улице меньше, чем дома (Почему?)

Выцветшая палатка под конвоем 2 сосен

Девочки-тинэйджеры – золотые зубы // Мальчики тинэйджеры – гнилые черные
зубы

Машина – акула

Хозяйка магазина // Лакомка – мечта

Девушка-покупательница (подарила Инне мороженое, а себе купила пиво)

Золотинка – обертка от растаявшего мороженого // **Старик протянул ей ложку**

Из мира детства в мир старости ??? ИЛИ в мир, где она под защитой???

Начало рассказа – действие – путешествие в детство

Развитие сюжета: история Инны, ее отношения с миром дома и миром улицы.

Возникновение темы ДВОЕМИРИЯ

Кульминация – покупка Лакомки.

Чудо в рассказе – обретенная Лакомка, как сбывшаяся мечта, поруганная встречей с враждебным миром современной улицы

Возвращение домой – возвращение в старость

Вопрос: можно ли назвать финал рассказа трагичным?

Аргументируйте свою точку зрения.

Рефлексия: напишите отзыв об одном из рассказов или рецензию на него. (Восприятие, истолкование, оценка произведения).

Спасибо за работу!

Урок подготовлен учителем высшей
категории ГБОУ школы № 1 с
углубленным изучением английского
языка Беляевой В.В.

